

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЧНОМ И ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматривается содержание понятия «эффективность» применительно к правовым ограничениям. Установлено, что эффективность правовых ограничений подразделяется на социальную и формально-юридическую. Обосновывается, что социальная и формально-юридическая эффективность правовых ограничений взаимосвязаны как в публичном, так и в частном праве. Автор приходит к выводу о том, что на эффективность частного права оказывает влияние действенность тех ограничений, которые направлены на сдерживание возможных правонарушений со стороны представителей власти. Отмечается, что эффективность частного права и применяемых в рамках механизма его действия ограничений на эффективность последних в публичном праве не оказывает никакого влияния.

Ключевые слова: право, ограничение, правовые ограничения, эффективность

EFFECTIVENESS OF LEGAL RESTRICTIONS IN MODERN PUBLIC AND PRIVATE LAW

Annotation. The article examines the content of the concept of “efficiency” in relation to legal restrictions. It has been established that the effectiveness of legal restrictions is divided into social and formal legal. It is substantiated that the social and formal legal effectiveness of legal restrictions are interconnected in both public and private law. It is noted that the effectiveness of private law is influenced by the effectiveness of those restrictions that are aimed at curbing possible offenses by government officials. The author comes to the conclusion that the effectiveness of private law and the restrictions applied within the framework of its mechanism of action do not have any impact on the effectiveness of the latter in public law.

Keywords: right, restriction, legal restrictions, efficiency

Проблема эффективности правовых ограничений в современном публичном и частном праве не нашла отражения в научных исследованиях. Вопросы эффективности правовых ограничений безотносительно к публичному и частному праву поднимались в трудах различных ученых, однако, эта область остается малоисследованной в юридической науке.

Так, И.М. Приходько утверждает, что эффективность правовых ограничений представляет собой «соотношение между результатом их использования и той целью, с которой они принимались» [8, с. 113]. Нельзя не согласиться с приведенным мнением, поскольку ограничения будут эффективными только в том случае, если при их установлении и реализации будет учитываться их назначение и способность решить ту или иную задачу. Это обуславливается тем, что в случае неадекватного применения ограничений, что может привести к нарушению интересов участников правоотношений и другим негативным последствиям, нельзя вести речь об эффективности рассматриваемых правовых средств.

А.В. Малько в своем диссертационном исследовании приходит к выводу о том, что эффективность правовых ограничений можно рассматривать как «реализуемую социальную ценность, удовлетворяющую интересы людей» [7, с. 16]. Действительно, в контексте установления и действия правовых ограничений необходимо учитывать их полезность для общества, которая главным образом состоит в достижении справедливости и обеспечении интересов всех участников правоотношений. В этой связи В.А. Шемаров верно отмечает то, что «в правовых ограничениях отражается оценка поведения субъекта с позиции общественного блага, оценивается степень социального вреда» [9, с. 82]. Автор справедливо подчеркивает необходимость оценки социального вреда при установлении и применении ограничений. Думается, что под этим подразумевается вред, который ограничиваемый субъект может причинить обществу или другим субъектам.

С приведенными точками зрения можно согласиться. В то же время, нужно отметить, что они не учитывают тот факт, что правовые ограничения несут в себя всегда что-то негативное для субъекта, который подвергается ограничению или для третьих лиц. Это обусловлено тем, что само по себе ограничение связано с сужением рамок деятельности субъекта, что уже создает для него определенные трудности и выступает негативным фактором. В этой связи мы приходим к выводу о том, что эффективность правовых ограничений необходимо связывать не только с той пользой, которую они приносят обществу, но и с соразмерностью этой пользы с наступившими негативными для ограничиваемого (ограничиваемых) последствиями.

Относительно вышесказанного верно отмечает Е.В. Алферова, что «выборочное ограничение свободы оправдано, когда проблема серьезна, ожидаемая полезность ограничения свободы высокая и значительно превышает альтернативы, а затраты на ограничение свободы, в том числе свободы передвижения, относительно невелики как на уровне населения, так и на индивидуальном уровне» [1, с. 134].

Принимая во внимание вышеизложенное, а также учитывая, что у права есть две группы функций (социальные и специально-юридические) предлагаем разграничивать социальную и формально-юридическую эффективность правовых ограничений. Социальная эффективность состоит в ценности достигнутого результата в сравнении с наступившими негативными последствиями, а формально-юридическая предполагает соответствие достигнутого результата назначению ограничений.

Относительно формально-юридической эффективности необходимо отметить, что назначение правовых ограничений в современном публичном и частном праве разнится. Так, в рамках публичного права ограничения призваны поддерживать и укреплять вертикальные отношения, складывающиеся в области функционирования публичной власти, а в

частном праве – горизонтальные отношения, которые носят равновесный характер.

В то же время следует учитывать, что социальная и формально-юридическая эффективность правовых ограничений должна коррелировать между собой, поскольку увеличение формально-юридической эффективности ограничений и в публичном, и в частном праве лишь до определенного предела способствует увеличению их социальной эффективности. Достигая этого предела, рассматриваемые правовые средства в публичном праве перестают соответствовать существующим в общественном сознании ожиданиям, вследствие чего их социальная эффективность снижается. Та же самая закономерность наблюдается в случае, когда речь идет о применении в частном праве нетипичных для него ограничений. Вместе с тем социальная эффективность типичных для частного права ограничений при увеличении их формально-юридической эффективности всегда будет расти.

О.А. Кожевников отмечает, что «формирование комплексных отраслей и институтов права является новой, перспективной формой взаимодействия публичного и частного права и вызвано объективной необходимостью эффективного регулирования современных многосоставных общественных отношений» [4, с. 11]. Поэтому в рамках заявленной темы считаем целесообразным также рассмотреть влияние эффективности правовых ограничений, применяемых в публичном праве, на эффективность действия механизма частного права и наоборот.

Рассматривая структуру права с точки зрения иерархических связей, существующих между отдельными составляющими системы права, Т.В. Кашанина справедливо отмечает, что нормы публичного права образуют более высокий уровень регулирования, чем частноправовые нормы [2, с. 182]. В этой связи неизбежно то, что на эффективность механизма действия частного права в значительной степени влияет то, насколько адекватно ограничения применяются в публичном праве.

Если основной целью правового государства является обеспечение правопорядка, и, соответственно, порядок здесь выступает основной ценностью, то для гражданского общества существенна возможность справедливой реализации частных интересов и защиты от несправедливости властей (государственного аппарата и его порядка) [3, с. 295]. Учитывая, что частное право предполагает невмешательство в частные дела, то на его эффективность главным образом влияет действенность тех ограничений, которые направлены на сдерживание возможных правонарушений со стороны представителей власти. Такого рода ограничения связаны с установлением ответственности должностных лиц, а также призваны предупреждать злоупотребления со стороны властных субъектов; обеспечивать прозрачность деятельности последних, в том числе с помощью института общественного контроля, а также не допускать конфликт интересов должностных лиц. При этом важно учитывать, что «основная отличительная черта вмешательства состоит в том, что оно происходит помимо желания других участников соответствующего правоотношения» [6, с. 73].

Стоит согласиться с Г.М. Лановой, которая утверждает, что «в современных условиях повышается значимость контроля над развитием правоотношений со стороны государства» [5, с. 27]. В то же время необходимо отметить, что эффективность частного права и применяемых в рамках механизма его действия ограничений на эффективность последних в публичном праве не оказывает никакого влияния. Так, принятие и применение ограничений в строго установленных процедурах и формах, легальность, контролируемость, документированность, мотивированность и ряд других условий применения ограничений в частном праве не оказывают на него никакого влияния.

Таким образом, приходим к выводу о том, что эффективность правовых ограничений необходимо подразделять на социальную (состоящую в социальной ценности достигнутого результата в сравнении с наступившими

негативными последствиями) и формально-юридическую (предполагающую соответствие достигнутого результата назначению ограничений). Важно учитывать, как соотносятся между собой социальная и формально-юридическая эффективность ограничений в публичном и частном праве.

Отдельно следует подчеркнуть, что ограничение должностных лиц выступает в качестве необходимого условия эффективности современного частного права, в то время как эффективность частного права и применяемых в рамках механизма его действия ограничений на эффективность последних в публичном праве не оказывает никакого влияния.

Литература

1) Алферова Е.В. Этическая обоснованность политики ограничения свободы передвижения в условиях пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2022. №1. – С. 123-134.

2) Кашанина Т.В. Структура права : монография. – Москва : Проспект, 2022. – 584 с.

3) Клименко А.И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии : дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01. – Москва, 2016. – 541 с.

4) Кожевников О.А. Некоторые тенденции взаимодействия публичного и частного права в современной России (к вопросу о комплексных образованиях в системе права) // Правоприменение. 2017. №4. – С. 5-13.

5) Лановая Г. М. Тенденции изменения системы норм права в современных условиях // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 2(50). – С. 19-30.

6) Лаута О.Н., Абакумова Е.В. К вопросу о невмешательстве в частные дела как принципе гражданского права // НАУ. 2015. №2-6 (7). – С. 72-74.

7) Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве : (Теоретико-информационный аспект) : дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 1995. – 362 с.

8) Приходько И.М. Ограничения в российском праве (Проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Саратов, 2001. – 195 с.

9) Шемаров В.А. Социально-правовое предназначение правовых ограничений // Правовое государство: теория и практика. 2019. №2 (56). – С. 77-83.